

Катя
КУНИЦА

Цель у
МАЖОРА Я

МОПОДЁЖНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Катя Куница

Цель у мажора я

<https://litres.ru/74594762>

Аннотация

Меня зовут Ася, мне девятнадцать. Я девственница и никогда не целовалась с парнями. А ещё я сестра оболтуса, который задолжал очень плохим людям.

Сегодня меня похитили, раздели и швырнули в ледяной бассейн, развлекаться. Я плавала три часа, пока не начала тонуть. Меня вытащил Он. Красивый, злой, дорогой. Хозяин этого дома.

Стас Крупинин. Мажор, которого боятся даже те, кто меня мучил. Он дал мне денег на такси и отпустил, даже не спросив имени.

Я думала, это конец.

А оказалось, только начало.

Потому что завтра он узнает, что я сестра его врага. И завтра он приедет за мной снова.

Но на этот раз не спасать.

♥#*Ставьте звездочку/нравится, добавляйте в библиотеку!

♥#

Книга участвует в литмобе "Игры мажоров" -

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	20
5	27
6	30
7	35
8	39
9	42
10	47
11	52
12	56
13	60
14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

1

Меня зовут Ася, мне 19.

Я трясусь на заднем сиденье тонированного джипа.

Голова забита ватой после пощечины, которой меня встретили у подъезда.

Двое амбалов даже не скрываются.

Они забрали меня за долги брата. Лёша, мой старший брат, опять взял не в том месте деньги.

Я кричу, что у меня нет таких денег, что я вообще не в курсе, но меня не спрашивают...

Затылком я чувствую холодный пластик сиденья. Или это не пластик? Какая разница.

Глаза завязаны тряпкой, которая воняет бензином и чужим потом.

Руки связаны за спиной чем-то тонким, кажется, стяжками для проводов. Они впиваются в запястья при каждом толчке машины.

Я пытаюсь дышать носом, но получается хреново. Сердце колотится где-то в горле, и меня сейчас вырвет.

- Ссышь? - раздается слева.

Голос противный, гнусавый. Тот, который схватил меня у подъезда, когда я возвращалась из магазина. Купила молоко и хлеб. Дура!

Счастливая дура, которая думала, что самое страшное в этой жизни, это не сдать экзамен по английскому.

- Пожалуйста, - умоляю. – Пожалуйста, у меня нет денег. Я не знаю, где брат. Я правда не знаю!

- Заткнись.

Кулак врезается в солнечное сплетение, и я сгибаюсь пополам, насколько позволяют связанные руки. Воздух уходит из легких со свистом. Я пытаюсь вдохнуть и не могу.

- Сказал же, заткнись.

Я зажимаю рот, чтобы не заорать. Потому что, если я заору, он ударит еще. Это я знаю точно. Это я уже усвоила за те пятнадцать минут, что прошли с момента похищения.

Машину кидает на повороте. Я ударяюсь плечом о дверцу и закусываю губу до крови.

Господи, Леша, что ты наделал.

Что ты опять наделал, придурок?!

Мой старший брат. Моя гордость. Моя боль.

После смерти родителей он меня растил, таскал на руках, покупал мороженое, когда мне было пять, а ему двенадцать.

А потом что-то сломалось.

Сначала травка, потом колеса, потом тяжелое.

Долги. Слезы матери его дружков, которые приходили к нам в квартиру.

Потом дружки сменились серьезными людьми.

А теперь вот это.

Машина останавливается.

Меня выдергивают наружу, как куклу.

Тряпка с глаз сползает, и я вижу частный дом.

Огромный. Дорогой. Пафосный. Коттедж в стиле «у меня есть деньги, и я хочу, чтобы все об этом знали». Высокий забор, камеры по углам, газон, на который страшно наступить.

Меня трясет так, что зубы стучат.

- На выход, красавица.

Меня толкают в спину.

Я спотыкаюсь о порог, но удерживаюсь на ногах.

Внутри дома тепло, пахнет деревом и дорогим табаком.

Мраморный пол, лестница на второй этаж, огромные окна.

Красиво как в кино.

Только в киногероиню не тащат в подсобку, швыряя на пол, как мешок с мусором.

- Сиди тут.

Дверь захлопывается. Я одна. В какой-то комнатухе без окон. Стеллажи с коробками, старая мебель, пыль. Холодный кафель под ногами.

Я пытаюсь развязать руки. Стяжки только сильнее впиваются в кожу. Больно. По рукам течет кровь. Я чувствую ее запах.

Сколько я здесь сижу? Час? Два? Вечность?

Я потеряла счет времени.

Когда дверь открывается, я уже почти не соображаю.

- Подъем.

Меня хватают за шкурку и ставят на ноги. Двое. Один тот, гнусавый, с редкими зубами и татуировками на пальцах. Второй моложе, спортивный, с бегающими глазами.

- Гвоздь, может, не надо? - спрашивает спортивный. - Шеф скоро приедет.

- А мы быстро, - скалится Гнусавый. Его, погоняло Гвоздь. - Шеф и не узнает. Побалуемся немного.

Я понимаю. До меня доходит с опозданием, но доходит. И меня накрывает ледяной волной ужаса.

- Нет, - шепчу я. - Пожалуйста, нет.

- Чего? - Гвоздь наклоняет голову, ухмыляясь.

- Пожалуйста, не надо. Я... у меня даже парня не было. Я

девственница. Пожалуйста.

Я говорю это, и сама слышу, как жалко это звучит.

Спортивный мнется, а Гвоздь ржет. Громко, противно, запрокинув голову.

- Слышь, Мелкий, ты это слышал? Девственница, блин! Ну вообще кайф!

Он подходит ближе. Я пячусь, но упираюсь спиной в стеллаж. Коробки падают, что-то разбивается.

- Не трогайте меня.

#Богатый парень и простая девушка

#Первая любовь

#Очень эмоционально

#От ненависти до любви

##*Ставьте звездочку/нравится, добавляйте в библиотеку!

2

- А то что?

Он хватает меня за горло. Не сильно, но достаточно, чтобы я замерла. Пальцы у него холодные и грубые.

- Будешь дергаться придушу, - говорит он спокойно, как о погоде. – А потом все равно сделаю. Так что выбор за тобой.

Он проводит рукой по моей щеке. Я зажмуриваюсь. Меня трясет.

- Гвоздь, - Мелкий подходит ближе. - Давай реально по-дождем. Ну ее нахрен.

- Иди проверь ворота, - Гвоздь даже не смотрит на него.
- Я быстро.

Мелкий колеблется. Секунду. Две. Потом пожимает плечами и выходит.

Я одна с ним.

- Не надо, - шепчу я. - Пожалуйста, не надо.

Он молча рвет на мне ветровку.

Пуговицы летят в стороны.

Я пытаюсь оттолкнуть его связанными руками, но что я могу? Он толкает меня, и я падаю на спину.

Бетонный пол выбивает воздух из легких.

Он садится сверху. Весит он прилично, я почти не могу дышать. Он рвет футболку. Ткань трещит, и холодный воздух касается кожи.

- Красивая, - он дышит мне в лицо. - Аккуратная такая.
Он трогает меня. Сжимает грудь, мнет, как тесто. Я дергаюсь, пытаюсь вывернуться, но он только смеется.

- Куда ты, маленькая?

Он наклоняется и кусает сосок.

Через лифчик. Больно.

Я вскрикиваю, и ему это нравится.

Я чувствую, как встает его член, упирается мне в бедро.

- Отличненько, - выдыхает он.

Я закрываю глаза. Мысленно я уже не здесь. Я где-то далеко.

В детстве, где папа читает мне сказки.

Где пахнет мамиными пирогами.

Где безопасно.

Я слышу треск ткани. Это джинсы.

Он рвет мои джинсы.

Молния, пуговица, и вот уже холодный воздух касается живота.

Трусы. Обычные, серые, в цветочек. Смешные. Я купила их на распродаже за двести рублей.

- Сейчас узнаем, правду ли ты сказала про девственность, - его рука лезет мне между ног.

И тут дверь открывается.

- Гвоздь! - Мелкий орет так, что у меня закладывает уши.
- Хозяин приехал! Во дворе уже!

Гвоздь замирает. Секунду я чувствую его колебание, он

решает, продолжать или нет. Потом ругается матом, слезает с меня и застегивает ширинку.

- Сидеть, - бросает он мне. - И не рыпаться.

Они уходят.

Я остаюсь лежать на полу.

Руки связаны, одежда разорвана, трусы спущены.

Меня колотит. Крупной дрожью, от которой сводит мышцы.

Я пытаюсь встать. Ноги не слушаются.

Дверь снова открывается.

- Пошли.

Меня хватают и тащат. Теперь уже не в подсобку, а куда-то на улицу.

Я спотыкаюсь, пытаюсь идти, но ноги заплетаются.

Мы выходим во двор. Там бассейн. Огромный, с подсветкой, вода в нем парит - подогрев.

- Купаться будешь, - Гвоздь толкает меня к бортику. - Пока не скажем вылезать.

- Что? - я не верю своим ушам. - Там же холодно. Ноябрь на улице!

- Вода теплая, не ссы.

- Я не умею долго плавать! Я устану!

- Устанешь утонешь, - философски замечает Мелкий. - Нам-то что.

Он срывает с меня остатки футболки. Я остаюсь в одних спущенных трусах и джинсах.

- И это сними.

- Нет!

- Снимай, я сказал!

Он дерет мои джинсы сам. Вместе с трусами.

Я стою перед ними голая. Совсем.

Холодный воздух обжигает кожу, соски сжимаются в твердые горошины.

Я прикрываюсь руками, но это смешно.

Гвоздь смотрит. Медленно, смакуя. В его взгляде нет ничего человеческого.

- Ничего так, - кивает он. - Жалко, шеф помешал. Ладно, позже.

- В воду! - Мелкий подходит сзади и толкает меня в спину.

Я лечу в бассейн.

Вода принимает меня, обжигает контрастом.

Воздух холодный, вода теплая. Я выныриваю, хватая ртом воздух.

Вода попадает в нос, в горло. Я кашляю.

- Плавай, рыбка!

Они стоят у бортика. Смотрят. Потом Гвоздь достает сигареты, закуривает.

- Через часик проверим, - говорит он Мелкому. - А пока в сауну, расслабимся.

- А если утонет?

- Ну и хрен с ней. Скажем, сама прыгнула.

Они уходят. Я остаюсь одна в бассейне.

****Книга участвует в литмобе "Игры мажоров"*

“ИГ

Мари
♥ СКАЙ

Спорим,
НЕ ОТВЕРТИШЬСЯ?

Плыву. От бортика к бортику. Длина бассейна метров двадцать пять. Туда-обратно. Туда-обратно. Я считаю, чтобы не сойти с ума. Пять. Десять. Пятнадцать.

Плыть невозможно. Я переворачиваюсь на спину, работаю ногами. Это легче. Я смотрю в небо. Ноябрьское, серое, низкое. Скоро вечер.

Двадцать. Двадцать пять.

Мышцы начинают гореть. Вода теплая, но это не помогает. Организм тратит энергию, чтобы согреться, чтобы двигаться. Я устаю.

Тридцать.

Я сбиваюсь со счета.

Кажется, прошел час.

Может, два.

Солнце почти село, стало темно.

Вокруг зажглись фонари, подсветка бассейна переливается голубым.

Я почти не чувствую ног. Они двигаются сами по себе, на автомате. Руки затекли совсем, я не чувствую пальцев.

Господи, помоги мне.

Я никогда не была особо религиозной. Но сейчас молюсь. Всем богам сразу. Маме. Папе. Кому угодно.

Ноги сводит судорогой. Резкая боль пронзает икру, и я

перестаю грести. Ухожу под воду. Вынырываю, кашляю, глотаю воду.

Пытаюсь грести одной ногой, но вторая не слушается.

Еще судорога. Теперь в бедре.

Я иду ко дну.

Вода смыкается над головой.

Я пытаюсь выплыть, но мышцы не слушаются.

Я смотрю вверх, на поверхность. Она так далеко. И так близко.

Прости, Леша. Я старалась.

Я закрываю глаза. Темнота. Тишина. Только звон в ушах.

И вдруг рывок.

Кто-то хватает меня за волосы, тянет вверх.

Я вылетаю на поверхность, как пробка.

Воздух врывается в легкие, разрывая их.

Я кашляю водой, меня рвет прямо в бассейн.

Меня тащат к бортику.

Сильные руки подхватывают под мышки, выдергивают из воды, кладут на холодный кафель.

Я лежу на боку, и вода вытекает изо рта, смешанная со рвотой.

- Твою мать, - слышу я голос. Низкий, злой, красивый. - Какого хрена здесь происходит?

Я пытаюсь открыть глаза.

Получается не сразу.

Надо мной склоняется парень.

Молодой. Лет двадцать пять.

Темные волосы мокрыми прядями падают на лоб.

Белая рубашка прилипла к телу, видно, что он тоже только что вышел из воды.

Дорогие часы на запястье блестят в свете фонарей.

Глаза у него злые. Очень злые.

- Гвоздь, - рывкает он, не глядя в сторону. - Я спрашиваю, какого хрена?

Из сауны выбегают Гвоздь и Мелкий. Распаренные, красные, с полотенцами на плечах.

- Стас Олегович! - Гвоздь пытается улыбнуться. - Мы это развлекаемся. Сестра должника. Отрабатывает.

Стас Олегович смотрит на меня.

Я лежу голая, мокрая, дрожащая.

Кожа посинела от холода, даже несмотря на теплую воду.

- Трогали?

Гвоздь молчит. Это ответ.

Стас Олегович кивает. Медленно. Потом поворачивается к Гвоздю и бьет. Коротко, резко, без замаха. Гвоздь падает на колени, держась за челюсть.

- Чтобы я вас здесь больше не видел, - говорит Стас Олегович спокойно. - Оба. Вон.

Мелкий хватает Гвоздя под мышки и тащит прочь. Они исчезают за углом дома.

Стас Олегович снимает пиджак. Дорогой, наверное, итальянский. Накидывает на меня. Пиджак пахнет парфюмом и чуть-чуть потом. И почему-то мне хочется плакать от этого запаха.

Он достает из кармана брюк бумажник. Вытаскивает пачку купюр, даже не считая, сует мне в руку.

- Такси на первом этаже, - говорит он. - Вызовут. Скажешь адрес отвезут.

Я смотрю на деньги. Мокрая бумага в моих мокрых руках. Много. Очень много. Тысяч пятьдесят, наверное.

- Зачем?

- Что?

- Зачем вы меня спасли? - я смотрю ему в глаза.

Взгляд у него тяжелый. Серьезный. Он смотрит на меня,

и я чувствую себя еще более голой, чем когда лежала на кафеле.

Он встает и уходит в дом. Не оборачиваясь.

Я лежу еще минуту. Потом заставляю себя подняться.

Бреду в дом, как в тумане.

Там меня встречает женщина в строгом костюме. Молча помогает одеться, вызывает такси. Молча провожает до ворот.

Я сажусь в теплое такси и называю адрес своей общаги. Всю дорогу молчу. Водитель косится на мой вид, но ничего не спрашивает.

Дома я запираюсь в ванной. Смотрю на себя в зеркало. Синяки на запястьях, на шее, на груди. Следы пальцев Гвоздя. Ссадины. Глаза пустые, как у рыбы.

Я достаю деньги, которые он дал. Мокрые, мятые. Смотрю на них.

Потом открываю окно и выбрасываю во двор.

Пусть. Не нужны мне его деньги.

Я ложусь на пол в ванной и сворачиваюсь клубком. Меня трясет. Плакать не получается. Слез нет.

Я просто лежу и смотрю в стену.

И вижу его глаза. Злые. Красивые. Те, что смотрели на меня, когда я лежала голая на кафеле.

Стас Олегович.

Я не знаю, кто ты. Но я запомню тебя. Навсегда.

Я лечу по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Третий этаж. Четвертый. Пятый. Лифт не работает, конечно, когда так нужно он всегда сломан.

В одной руке я сжимаю пакет из круглосуточного магазина, купила молоко и хлеб, как будто это может что-то изменить. Как будто мы нормальная семья и завтра будет завтрак.

На площадке пятого этажа останавливаюсь.

Перед дверью нашей квартиры.

Три минуты назад я вышла из такси, которое оплатил Крупинин.

Из того самого такси, которое он вызвал, когда я голая и мокрая лежала на кафеле у его бассейна.

До сих пор не могу поверить, что это было на самом деле.

Дверь не заперта. Я толкаю ее и захожу.

В коридоре воняет перегаром, и чем-то сладковатым. Травка, наверное. Или хуже. Я зажимаю нос и иду в комнату.

Лёша сидит на полу у батареи.

Он небрит, глаза красные, опухшие.

Волосы торчат в разные стороны, майка грязная, спортивные штаны с пузырями на коленях. Он обхватил батарею руками, как будто она может его спасти.

Как будто она последнее, что у него есть в этом мире.

Он поднимает голову, когда я вхожу.

Смотрит на меня мутным взглядом. Ноль эмоций. Ноль узнавания.

- Лёша, - говорю я.

Он моргает. Раз. Два. Потом в глазах появляется что-то похожее на осознание.

- Аська! – голос у него севший, хриплый. - Ты где была? Я волновался.

Я срываю с себя куртку. Швыряю на пол.

Потом стягиваю водолазку, под которой прятала следы. Остаюсь в майке.

Подхожу ближе. Поворачиваюсь, чтобы он увидел мою шею. Грудь. Плечи.

Лёша смотрит.

Сначала непонимающе, потом до него доходит.

Он дергается, пытается встать, но ноги не слушаются, и он снова падает на пол.

- Ася... Что это? Кто?

- Ты. Это ты, Лёша.

И я рассказываю.

Как шла из магазина, как подъехала машина, как меня за-толкали внутрь, связали руки стяжками, натянули на голову вонючую тряпку.

Как везли куда-то за город. Как тот, которого называли Гвоздь, лапал меня и хвастался, что сделает со мной, потому что я сестра лоха, который всем должен.

Лёша слушает. Молчит. Только лицо становится все серее и серее.

- Потом меня швырнули в бассейн, - говорю я. - Голую.

И сказали плавать, пока не разрешат вылезти. Я плавала два часа, Лёша. Два часа, пока руки и ноги не перестали чувствовать. Пока не начала тонуть.

Я замолкаю. Сглатываю ком в горле.

- Меня вытащил Стас Олегович. Он приехал, увидел меня, вытащил. Своих прогнал. Дал денег на такси.

Лёша дергается, как от удара.

- Крупинин? - переспрашивает он. - Ты была у Крупинина? У Стаса?

Он вдруг вскакивает, хватая меня за плечи.

Пальцы у него дрожат, впиваются в кожу. Я морщусь, на том месте, где меня хватал Гвоздь, теперь снова больно.

- Ася, - говорит Лёша, и голос у него странный. Испуганный. - Ася, это плохие люди. Очень плохие. Это война.

- Война? - я не понимаю. - Какая война?

Лёша отпускает меня, отворачивается к окну. Стоит, смотрит в темноту. Плечи у него трясутся.

- Я должен не Крупинину, - говорит он тихо. — Я должен Барятинскому. Павлу Барятинскому.

Имя падает в тишину комнаты, как камень в воду.

- Кто это?

- Конкурент Крупинина. - Лёша не оборачивается. - У них война давно, еще с тех пор, как старшего Крупинина убили. Это было лет пять назад. Барятинского тогда подозревали, но ничего не доказали. А с тех пор они грызутся за каждый кусок.

Я пытаюсь сложить пазл в голове. Крупинин - Барятинский - война - мой брат - долги - меня чуть не изнасиловали.

- При чем тут Крупинин? - спрашиваю я. - Если ты должен Барятинскому, почему меня мучили люди Крупинина?

Лёша молчит долго. Очень долго. Я уже хочу закричать, когда он наконец поворачивается.

- Потому что я подставил Крупинина, - говорит он.

Я смотрю на него и не верю своим ушам.

- Что?

- Я работал на Барятинского. Он попросил помочь с одной сделкой. Нужно было слить информацию, что груз пойдет по одному маршруту, а на самом деле его пустили по-другому. Крупинин потерял полмиллиона долларов.

- Полмиллиона? - у меня голос срывается на визг. - Ты охренел, Лёша?

- Мне заплатили, - он отводит глаза. - Я думал, закрою долги. Но я проиграл. Все проиграл. А потом еще занял. И еще. А Барятинский сказал, что если я не верну, он...

- Что он?

Лёша смотрит на меня. В его глазах отчаяние и страх.

- Он сказал, что найдет меня. И найдет тебя. Потому что знает, что ты у меня есть. Что ты моя слабость.

Я отшатываюсь. Буквально делаю шаг назад, как будто он ударил меня.

- Ты сказал про меня? Этому Барятинскому?

- Я не говорил! Они сами узнали. У них везде люди. Они

знают про тебя, про твою учебу, про то, где ты живешь. Они знают всё.

Я сажусь на пол. Ноги не держат.

- И теперь Крупинин тоже знает, - шепчу я. - Потому что я была у него. Потому что он меня видел.

- Ася, - Лёша подходит, садится рядом, пытается обнять, но я отталкиваю его. – Ася, прости. Я дурак. Я придурок. Я все исправлю.

- Чем ты исправишь? – я смотрю на него. – Ты посмотри на себя, ты же развалина. Ты же не протянешь и дня без дозы. Чем ты исправишь, Лёша?

Он молчит. Потому что нечего сказать.

Мы сидим на полу, рядом, но, между нами, пропасть.

Мой старший брат, тот, кто растил меня после смерти родителей.

Кто таскал на руках, когда мне было пять, а ему двенадцать.

Кто проверял уроки и водил в кино.

Кто обещал маме на ее могиле, что никогда меня не бросит.

А теперь он сломал мне жизнь. Ведь я стану разменной монетой в этих играх за его долги!

- Что мне делать? – спрашиваю я тихо. – Если Крупинин придет за мной?

- Не придет, - Лёша качает головой. – Зачем ты ему? Забудет через день.

- А если нет?

- Не думай об этом. Спрячешься здесь, а я что-нибудь при-

думаю.

Я смотрю на него.

На его трясущиеся руки, на красные глаза, на небритое лицо.

Он ничего не придумает. Он вообще ничего не может.

- Я пойду спать, - говорю и встаю.

- Ась...

- Не надо, Лёша.

Я ухожу в свою комнату, запираю дверь, ложусь на кровать и смотрю в потолок.

Перед глазами стоит лицо Крупинина Стаса Олеговича.

Темные волосы. Злые глаза. Рубашка, прилипшая к телу. Запах его парфюма на пиджаке, которым он меня накрыл.

Зачем он меня спас? Просто так? Такие, как он, просто так ничего не делают.

Я засыпаю под утро.

И мне снится вода. Холодная, темная, бездонная.

Я тону, иду ко дну, смотрю вверх на светлую поверхность, которая уходит все дальше и дальше.

И вдруг меня выдергивают.

Сильные руки, запах парфюма, злые глаза.

- Не смей, - говорит он. - Ты моя.

Я просыпаюсь от того, что кто-то трясет меня за плечо.

- Ася, вставай, - голос Лёши, испуганный, срывающийся.
- Ася, там приехали.

Я сажусь на кровати. За окном уже светло.

- Кто приехал?

- Они, - Лёша мнется. - От Крупинина.

- Что им надо?

- Тебя, - Лёша сглатывает. - Они спрашивают тебя. Сказали, если не выйдешь зайдут сами. Не ходи, - шепчет он. - Я сам разберусь.

- Чем ты разберешься? – спрашиваю я. – Ты даже стоять ровно не можешь.

Я выхожу в коридор. Там двое. Мелкий, что был вчера с Гвоздем. Второй незнакомый, крупный, с холодным лицом.

- Ася? - спрашивает крупный.

- Я.

- Поехали. Стас Олегович ждет.

Я сглатываю.

- Зачем?

- Скажет, когда приедете.

Лёша стоит белый как мел.

- Ася, не ходи. Я пойду с тобой.

- Ты пойдешь и сразу сдохнешь, - говорю я. - Сиди здесь. И молись, чтобы я вернулась.

Я надеваю куртку. Смотрю на брата в последний раз.

Мы садимся в машину и едем молча.

За окнами проплывает город, потом загородные трассы, потом лес. Я узнаю дорогу. Вчера меня везли здесь, только в другую сторону.

Коттедж Крупинина.

Когда мы подъезжаем к воротам, у меня сердце колотится так, что, кажется, его слышно на улице.

Меня проводят в дом. В тот самый холл, через который меня тащили вчера.

- Подождите здесь, - крупный указывает на диван в гостиной.

Я сажусь. Сжимаю руки в кулаки, чтобы не дрожать.

Жду.

Минут через десять слышу шаги. Поднимаю голову.

Он стоит в дверях. Стас Крупинин. Сегодня в светлом свитере и джинсах, выглядит почти как обычный парень. Почти.

Взгляд у него тяжелый. Изучающий.

- Здравствуй, Ася, - говорит он. — Поговорим?

Я киваю. Боюсь, что голос меня подведет.

Он садится в кресло напротив. Смотрит на меня долго, очень долго. Я чувствую, как краснею под его взглядом.

- Ты знаешь, кто я? – спрашивает он.

- Стас Олегович Крупинин.

Он кивает.

- Твой брат мне должен, - говорит он спокойно. – Он подставил меня перед людьми, с которыми я работаю. Из-за него меня считают лохом, которого можно кинуть.

Я молчу. На зная, что ответить.

Крупинин смотрит на меня.

- Пока твой брат будет решать проблемы, ты уязвима. Не то чтобы я благодетель, но и не варвар. Ты в зоне риска, тебя обязательно заберут за его долги. В проституцию как вариант, пока все не отработаешь.

- Кто? – немею от страха.

- Его враги. Он слишком тупой, лезет куда не следует. Мне он тоже враг, но...

Крупинин окидывает меня взглядом.

- Вчера, - говорит он. - В бассейне, ты сказала, что девственница.

У меня щеки вспыхивают огнем.

- Да.

- Это правда?

- Да.

- Почему?

Я не понимаю вопроса.

- В смысле?

- Почему? – он пожимает плечами. – Красивая, учишься, парни есть. Почему никого не было?

- Не знаю, - говорю я. – Ждала любви.

Он усмехается, качает головой.

- Наивная. Такая чистая. Знаешь, я предлагаю тебе сделку.

- Какую?

- Ты остаешься у меня. Живешь здесь, в доме. Будешь делать, что скажу. За это я не трогаю твоего брата, пока он сам не объявится. И не отдаю тебя Барятинскому.

У меня сердце пропускает удар.

- Барятинскому?

- Он уже знает, что ты здесь была, - кивает Крупинин. - У него везде уши. И он очень хочет тебя получить. У него пунктик на невинных девочках.

Я холодею.

- Я не хочу к нему.

- Тогда оставайся у меня.

- Зачем? Что меня здесь ждет?

- Спасение, - хмыкает. – В любом случае это будет не так грязно и больно.

Застываю. Начинаю дрожать всем телом.

- Пока не решу, что дальше.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

- Вы меня спасете от него? Но мне стоит бояться вас?

Он ненамного меня старше, но я обращаюсь к нему на вы. Не могу иначе. Слишком властным и опасным он выглядит.

- Я тебя прикрою, - поправляет он. - Если будешь делать, что скажу.

Я думаю. Долго. Внутри все кричит "нет", но другого выхода нет. Лёша меня не защитит. Бежать некуда. Боже мой!

- У мен нет выбора?

- Нет. Мой вопрос и предложение всего лишь формальность.

Крупинин кивает.

Дрожащими губами произношу тихое: хорошо.

На глазах выступают слезы. Я и верю и не верю ему. Но вспоминая вчерашнее, эту грубость, я предпочитаю сдаться по-хорошему. Может так, со мной обойдутся по-человечески...

- Елена проводит тебя в комнату, - говорит он. - Вещи привезут. Правила простые: по дому ходить можно везде, кроме моего кабинета и второго этажа. За ворота только со мной. Телефон сдашь Елене, получишь другой, только для связи со мной. Вопросы?

- Много, но вы все равно не ответите.

Он улыбается. В этот раз почти искренне.

- Умная девочка, - говорит он. - Иди. Увидимся вечером.

В коридоре меня ждет Елена. Та самая девушка, что встречала меня вчера.

- Пойдемте, Ася. Я покажу вашу комнату.

Мы идем по длинному коридору, поднимаемся на второй этаж. Здесь ковры, картины, дорогая мебель.

Комната небольшая, но уютная. Кровать, шкаф, стол, окно в сад. Своя ванная.

- Если что-то понадобится звоните по внутреннему телефону, - говорит Елена. - Ужин в семь, в столовой на первом этаже. Стас Олегович будет.

Она уходит. Я остаюсь одна.

Сажусь на кровать. Смотрю в окно. За стеклом сад, бассейн, в котором я вчера чуть не утонула. Сейчас он кажется безобидным, голубым, красивым.

Господи, что я делаю? - думаю я. - Я добровольно согласилась жить в доме у человека, который держит меня в заложницах.

Я вспоминаю, как он смотрел на меня. Как вытащил из воды. Как накрыл пиджаком.

И понимаю, что боюсь не его.

Я боюсь себя. Потому что, когда он на меня смотрит, у меня внутри все переворачивается.

А это страшнее любых Гвоздей и Барятинских.

—

Я сижу на кровати и смотрю на дверь ванной.

Там, в пакетах, которые привезли через час после моего заселения, лежит новая одежда. Трусы, лифчики, пижамы, джинсы, футболки, даже платье черное, короткое, шелковое. Все моего размера. До сантиметра.

Он знает мой размер.

Я не знаю, что чувствовать от этого. То ли благодарность, то ли ужас. Потому что если он знает размер моего лифчика, значит, он знает обо мне всё. Знает, где я учусь, где живу, что ем на завтрак, как зовут мою лучшую подругу, которая уже сутки мне названивает, а я не беру трубку.

Телефон я сдала Елене, как он велел. Получила новый дешевую Nokia, в которой только один номер, его.

Я лезу в пакеты, достаю белье. Трусы обычные, хлопковые, никаких стрингов. Лифчик удобный, без косточек. Как будто он знает, что я ненавижу кружево, которое впивается в кожу.

Не думай об этом, приказываю себе. Он просто угадал. Или у них стандартный набор для заложниц.

Я иду в душ. Стою под горячей водой, пока кожа не начинает гореть. Тру себя жесткой мочалкой, особенно те места, где вчера меня трогал Гвоздь. Синяки уже пожелтели, стали меньше, но память о его пальцах все еще живет под кожей.

Выключаю воду. Заворачиваюсь в полотенце, подхожу к зеркалу.

Из отражения на меня смотрит чужая девочка. Глаза большие, волосы мокрыми прядями падают на плечи, губы искусаны. На шее багровые следы. На груди синяки.

Я трогаю их пальцами. Больно.

В семь часов я спускаюсь в столовую.

Она огромная. Длинный стол из темного дерева, хрустальная люстра, картины на стенах, камин. За столом только одно место накрыто. Мое? Или мне вообще нельзя садиться?

- Проходи, - голос сзади заставляет меня вздрогнуть.

Крупинин стоит в дверях.

Переделся в черную водолазку и темные брюки.

Волосы влажные после душа.

От него пахнет гелем для душа, свежестью и деньгами.

- Садись, - он указывает на стол. – Ужинать будем.

Я сажусь на краешек стула. Он занимает место во главе стола. Метр, между нами, но мне кажется, что он дышит мне в затылок.

Входит женщина в фартуке, ставит перед нами тарелки. Суп-пюре, рыба, овощи. Все красиво, как в ресторане. Я смотрю на еду и понимаю, что кусок в горло не лезет.

Я беру ложку. Глотаю суп, обжигаясь. Он ест молча, сосредоточенно, как будто я пустое место.

Тишина давит на уши. Я слышу, как стучат мои зубы о ложку, как тикают часы на стене, как потрескивают дрова в

камине.

- Вопросы есть? - спрашивает он наконец.
- Много.
- Задавай.
- Сколько я здесь буду?
- Пока не решу.
- А если брат не объявится?
- Значит, не объявится.
- Что со мной будет тогда?

Он поднимает глаза. Смотрит на меня в упор. Взгляд тяжелый, как бетонная плита.

- А ты как думаешь?

У меня внутри все холодеет.

- Я не знаю.

- Вот и я не знаю, - он откладывает вилку. – Поэтому давай не загадывать. Живем сегодняшним днем.

Я молчу. Он встает, подходит к камину. Стоит ко мне спиной, смотрит на огонь.

- Знаешь, что самое смешное? – говорит он не оборачиваясь. – Ты мне нравишься.

Я замираю.

- Что?

- Ты мне нравишься, - повторяет он. – Ты красивая, смелая, не сломалась вчера. Я таких уважаю.

- Вы меня в бассейне видели голой, - вырывается у меня.
- Какая там смелость?

Он оборачивается. Смотрит на меня, и в глазах у него пляшут отблески огня.

- Именно. Голой, мокрой, почти мертвой и ты все равно смотрела на меня с вызовом.

Я отвожу глаза. Щеки горят.

—

8

- Иди спать, - говорит он. - Завтра будет день.

Я встаю. Иду к двери. На пороге останавливаюсь.

- Стас Олегович?

- М?

- А вы? Вы зачем меня спасли? Правда?

Он молчит долго. Потом говорит тихо, почти себе:

- Потому что я тоже тону. И никто меня не вытаскивает.

Я не знаю, что на это ответить. Просто ухожу.

Ночью мне не спится.

Ворочаюсь с боку на бок, сбиваю простыню, встаю пить воду. В доме тихо. Только где-то далеко гудит холодильник на кухне и тикают часы в коридоре.

Я выхожу в коридор. Босиком, в футболке и шортах, которые тоже купили они. Иду на кухню, наливаю воду из кулера. Пью и смотрю в окно на бассейн, подсвеченный голубым.

- Не спится?

Я подпрыгиваю от неожиданности.

Крупинин стоит в дверях кухни. В одних спортивных штанах, босиком, торс голый.

У него красивое тело.

Я не хочу это замечать, но замечаю.

Широкие плечи, накачанные руки, кубики пресса, татуировка на левом боку какая-то надпись на латыни. Вблизи он

еще более... опасный.

- Воды захотелось, - говорю я хрипло.

- Пей.

Он подходит ближе.

Тоже берет стакан, наливает себе.

Мы стоим рядом, и я чувствую жар его тела.

- Спать иди, - говорит он, не глядя на меня. - Завтра рано вставать.

- Зачем?

- Я тебя с собой возьму. На встречу.

Я смотрю на него. Он смотрит в окно.

- Зачем я вам?

- Покажешься. Барятинский узнает, что ты у меня. Меньше будет дергаться.

- Я приманка.

- Да. - Он поворачивается ко мне. - Ты приманка. Но приманка, которую я не дам в обиду. Идет?

Я смотрю в его глаза. Близко. Слишком близко.

- Идет.

Мы стоим так секунду. Две. Три. Я вижу, как темнеет его взгляд. Как меняется дыхание.

- Иди спать, Ася, - говорит он жестко. - Пока я не передумал.

Я вылетаю из кухни, как ошпаренная.

Вбегаю в свою комнату, закрываю дверь, прижимаюсь к ней спиной.

Между ног пульсирует, и я сжимаю бедра, пытаюсь унять эту дурацкую, неуместную, невозможную дрожь.

Что со мной? Он мой враг. Он держит меня в заложницах. Он использует меня как приманку.

Но тело помнит его запах. Его близость. Его голос, низкий, с хрипотцой.

Я ложусь в кровать и долго смотрю в потолок.

Потом засыпаю и вижу его. Во сне он наклоняется ко мне, касается губами моей шеи, и я выгибаюсь ему навстречу.

Просыпаюсь мокрая, липкая, с бешено колотящимся сердцем.

Это просто сон, убеждаю я себя. Просто сон.

Но между ног все еще пульсирует, и я понимаю, что это ложь.

9

Утром мы едем в город.

Я в черном платье, которое он мне купил. Оно сидит идеально: облегает грудь, подчеркивает талию, заканчивается выше колена.

Волосы я собрала в хвост, на лицо нанесла минимум косметики, только тональник, чтобы скрыть синяки, и блеск для губ.

Крупинин смотрит на меня, когда я выхожу, и в его глазах мелькает что-то, похожее на удовлетворение.

- Идем, - кивает он.

Мы садимся в машину.

За рулем молчаливый водитель, мы сзади.

Крупинин сидит рядом, но между нами расстояние. Он смотрит в телефон, что-то печатает, не обращает на меня внимания.

Я смотрю в окно.

Город просыпается, люди спешат на работу, магазины открываются.

Нормальная жизнь, в которой я была еще позавчера.

А сейчас я еду в машине мажора, который держит меня в заложницах, и чувствую себя его... кем? Вещью?

Встреча проходит в дорогом ресторане.

Зал на втором этаже, только один стол, вокруг пусто.

За столом сидят трое мужчин. При виде Крупинина они встают, пожимают руки, улыбаются. На меня смотрят с любопытством.

- Это Ася, - представляет меня Крупинин. - Моя девушка. У меня глаза лезут на лоб.

Его девушка? Я смотрю на него, но он даже не смотрит в мою сторону.

Я сажусь рядом, молчу, улыбаюсь, когда надо. Мужчины говорят о делах, о грузах, о партнерах. Я ничего не понимаю, просто сижу и чувствую себя куклой.

Под столом рука Крупинина ложится на мое колено.

Я замираю.

Он не смотрит на меня, продолжает разговор, а его пальцы медленно гладят мою ногу. Выше. Еще выше.

Подол платья задирается, и я чувствую его кожу на своей коже.

- Стас Олегович, - шепчу я.

Он сжимает колено чуть сильнее.

Я молчу. Сижу, как статуя, а его рука ползет выше.

Между ног. Пальцы касаются трусов через тонкий шелк платья.

У меня пересыхает во рту.

Я сжимаю бедра, но он раздвигает их легко, как будто имеет право.

Пальцы нажимают, трусы намокают мгновенно. Я чувствую это и краснею до корней волос.

- Товар придет через неделю, - говорит один из мужчин.
- Надо решить с таможенной.

- Решим, - отвечает Крупинин, и его палец проводит по моей щелке, нажимает на клитор сквозь ткань.

Я вздрагиваю. Закусываю губу, чтобы не застонать.

- Ася, ты чего? - спрашивает мужчина напротив.

- Жарко, - выдавливаю я. - Можно воды?

Крупинин улыбается. Хищно, довольно.

Убирает руку.

- Принесите девушке воды, - кивает он официанту.

Я выдыхаю.

Между ног пульсирует, трусы мокрые насквозь.

Я ненавижу его. Ненавижу себя за то, что мое тело отзывается.

После встречи мы садимся в машину. Крупинин смотрит на меня.

- Мокренькая? - спрашивает он спокойно.

- Что?

- Трусы мокрые? - уточняет он. - Я же чувствовал.

- Зачем вы это делаете? - голос дрожит.

- Потому что могу, - он пожимает плечами. - И потому что тебе понравилось. Не ври, что нет.

Я молчу. Потому что не могу сказать, что он прав.

Дома он уходит в кабинет, а я в свою комнату. Закрываю дверь, спускаю трусы. Они мокрые, липкие. Я смотрю на них и чувствую, как низ живота сводит судорогой желаний.

Что со мной? Я схожу с ума.

Я ложусь на кровать, закрываю глаза. Перед глазами его рука на моем колене. Его пальцы между ног. Его голос.

Я засовываю руку в трусы. Сама.

Потому что не могу больше терпеть.

Пальцы скользят легко, там все горит.

Я тру клитор, быстро, жестко, представляя, что это его рука, что это он трогает меня, что это он заставляет меня кончать.

Оргазм накрывает волной, выгибает дугой. Я кусаю подушку, чтобы не закричать.

А когда прихожу в себя, понимаю, что плачу.

Потому что он сломал меня. Всего за два дня. И я не знаю, соберу ли себя обратно.

Вечером стук в дверь.

- Войдите.

Заходит Крупинин. В руках бутылка вина и два бокала.

- Отметим, - говорит он. - Первый рабочий день.

- Я не пью.

- Сегодня пьешь.

Он садится в кресло, разливает вино.

Протягивает мне бокал.

Я беру, делаю глоток. Вино терпкое, дорогое, обжигает горло.

- Ты сегодня хорошо держалась, - говорит он. - Я доволен.

- Спасибо.

- А то, что в машине... - он смотрит на меня. - Не злишься?

- А надо?

- Надо. Я вел себя как свинья.

- Вы вели себя как хозяин, который проверяет свою вещь.

Он смотрит долго. Потом ставит бокал, подходит ближе.

Садится на кровать рядом.

- Ты не вещь, Ася, - говорит он тихо.

Его рука ложится на мою щеку. Поворачивает мое лицо к себе.

- Можно? - шепчет он.

Я не спрашиваю что. Я знаю. И киваю.

Он целует меня.

Не так, как вчера на кухне - там было просто касание. Сейчас это настоящий поцелуй. Жадный, глубокий, требовательный. Он кусает мою губу, лижет, врывается языком. Я отвечаю, потому что не могу не отвечать. Потому что весь день только об этом и думала.

Его руки на моей талии, на спине, под футболкой. Кожа к коже. Горячо.

- Ася, - выдыхает он мне в рот. - Если ты скажешь "нет", я уйду.

Я смотрю в его глаза. В них темнота, голод и что-то еще. Что-то, от чего у меня сердце останавливается.

- Не говори "нет", - шепчу я.

Он стягивает с меня футболку. Я остаюсь в лифчике. Он смотрит. Долго, жадно. Потом наклоняется и целует мою грудь. Сквозь ткань. Я выгибаюсь, зарываюсь пальцами в его волосы.

- Хочу видеть тебя, - говорит он.

Расстегивает лифчик одним движением.

Я голая перед ним. Вся. Синяки, шрамы, дурацкая бледная кожа. А он смотрит как на сокровище.

- Красивая, - выдыхает он. - Самая красивая.

Он раздевается сам. Быстро, нетерпеливо. Я вижу его тело и у меня перехватывает дыхание. Он большой. Твердый. Готовый.

- Не бойся, - шепчет он, ложась сверху. - Я буду осторожно.

Он целует меня везде. Шею, ключицы, грудь, живот. Раздвигает мои ноги коленом. Смотрит между них.

- Красиво, - говорит он. - Мокро.

- Стас...

- Что, Ася?

- Я не знаю, как... У меня никого не было.

- Знаю, - он улыбается. - Я все помню. Я научу.

Он входит пальцем. Медленно, осторожно. Я вздрагиваю - непривычно, чужеродно. Но он ждет, дает привыкнуть. Потом второй палец. Растягивает.

- Сейчас будет больно, - предупреждает он. - Потерпи. Я быстро.

Он входит. Резко, одним толчком. Я вскрикиваю - внутри взрывается боль, острая, режущая. Он замирает, ждет, гладит меня по животу.

- Тихо, тихо, - шепчет. - Я здесь. Я с тобой.

Боль отступает медленно.

На смену приходит распирающее чувство наполненности. Я смотрю на него - на его лицо, напряженное, красивое, на капли пота на лбу.

- Можно? - спрашивает он.

- Да.

Он двигается. Медленно, плавно, глядя мне в глаза. С каждым толчком внутри разгорается жар.

Я выгибаюсь навстречу.

- Стас, - шепчу я. - Стас, пожалуйста.

- Что, девочка моя? Что ты хочешь?

- Не знаю. Просто... не останавливайся.

Он ускоряется.

Вбивается в меня, жестче, глубже.

Я царапаю его спину, кусаю плечо, чтобы не кричать. Оргазм накрывает внезапно - волной, цунами, взрывом.

Я кричу, выгибаюсь, а он кончает следом, глубоко внутри, с рыком, от которого у меня мурашки по коже.

Мы лежим, тяжело дыша. Он все еще во мне. Гладит по спине, целует в висок.

- Ты моя, - шепчет он. - Теперь ты моя, Ася. Навсегда.

Я молчу.

Потому что не знаю - это обещание или угроза.

Двойная проблема Куницыной

Вера Павловна, преподаватель с пятнадцатилетним стажем, привыкла к одиночеству и предсказуемости. В свои тридцать пять она точно знает: жизнь это работа, уютная квартира и никаких сюрпризов.

Но все меняется в одну пятницу, когда на её вечерний курс повышения квалификации записываются всего двое студентов.

Двое молодых, наглых и невероятно привлекательных мужчин. Им по двадцать восемь, они лучшие друзья, и с первой минуты они смотрят на неё так, словно она не преподаватель, а женщина, которую они хотят завоевать.

Вера в шоке от их откровенных взглядов и двусмысленных намёков.

Она пытается сохранять дистанцию и профессионализм, но с каждой новой парой лед в её сердце тает.

Она попадает в ловушку собственных чувств, разрываясь между строгими правилами и запретным влечением сразу к двоим. Кто из них играет, а кто говорит серьезно? Сможет ли она остаться их учителем или ей придется сдаться и получить самый важный в жизни личный урок - урок страсти?

ЧИТАТЬ ТУТ <https://litnet.com/shrt/5VEm>

Утро начинается с того, что я чувствую его дыхание на своей шее.

Я не открываю глаза сразу. Боюсь, что если открою все исчезнет. Или, наоборот, станет реальностью, с которой я не знаю, как жить дальше.

Его рука лежит на моем животе. Тяжелая, горячая. Пальцы расслаблены, дыхание ровное — он спит. Впервые за эти дни я вижу его беззащитным. Без контроля, без маски хозяина жизни.

Я медленно поворачиваю голову.

Стас лежит на спине, одну руку закинув за голову, второй обнимает меня за талию. Во сне он выглядит моложе. Ресницы темные, длинные, губы чуть приоткрыты. Татуировка на боку сейчас видна полностью — «Никто не тронет меня безнаказанно».

Подходящий девиз для человека, который держит в своем доме девушку, чей брат его подставил.

Я осторожно выскальзываю из-под его руки. Тело ломит. Между ног саднит, низ живота тянет. На простыне пятна крови. Я смотрю на них и не знаю, что чувствовать.

Потерянная невинность? Подаренная? Украденная?

В ванной я долго стою под душем. Вода смывает его запах с моей кожи, но внутри он остается. Я чувствую его. Помню

каждое прикосновение, каждое слово, каждый взгляд.

Когда выхожу, завернутая в полотенце, он уже не спит.

Лежит, опершись на локоть, и смотрит на меня. Взгляд тяжелый, изучающий.

- Иди сюда, - голос хриплый со сна.

Я подхожу. Останавливаюсь в шаге от кровати.

- Покажись.

Я медленно разворачиваю полотенце. Оно падает на пол, и я стою перед ним голая. Снова. Но теперь все иначе. Теперь он уже видел меня всю. Трогал. Был внутри.

Он смотрит долго. С лица на грудь, на живот, между ног. Я не краснею. Не отвожу глаза. Пусть смотрит. Я тоже на него посмотрю.

- Иди сюда, - повторяет он, и в голосе появляется требовательность.

Я ложусь рядом. Он обнимает меня, притягивает к себе. Целует в макушку.

- Как ты?

- Нормально.

- Не ври.

Я молчу. Он гладит меня по спине, медленно, успокаивающе.

- Я сделал тебе больно, - это не вопрос.

- Немного.

- Прости. Я не хотел.

- Вы хотели, - поправляю я. - Вы все это время хотели.

Он замирает. Потом отстраняется, смотрит мне в лицо.

- Ты права. Хотел. С того момента, как вытащил тебя из воды. Ты лежала там, голая, синяя, почти мертвая, и я понял, что не отдам тебя никому. Даже себе сначала не хотел отдавать. Думал, отпущу.

- Но не отпустили.

- Нет. - Он проводит пальцем по моей щеке. - Не смог.

Я смотрю в его глаза. В них нет той игры, которая была вчера. Только правда. Жестокая, неудобная, но правда.

- Что теперь? - спрашиваю я.

- Теперь ты живешь здесь. Со мной.

- Как ваша девушка? Или как вещь?

Он хмурится.

- Не провоцируй.

- Я не провоцирую. Я хочу знать. Вчера на встрече вы называли меня своей девушкой. А ночью сказали, что я ваша. Что это значит на самом деле?

Он садится на кровати, опирается спиной о спинку. Я тоже сажусь, натягиваю простыню на грудь.

- Это значит, - говорит он медленно, - что ты под моей защитой. Это значит, что никто, слышишь, никто не посмеет тебя тронуть. Это значит, что ты будешь со мной, пока я не решу иначе.

- А если я решу иначе?

- Ты не решишь.

- Почему вы так уверены?

Он поворачивается ко мне.

- Потому что ты моя, Ася. С первой секунды, как я тебя увидел. И ты это знаешь. Иначе не пришла бы ко мне вчера. Не целовала бы в ответ. Не кончала, вцепившись в меня, как в последнюю опору.

У меня перехватывает дыхание. Потому что он прав. Потому что я не могу отрицать очевидное.

- Это неправильно, - шепчу я. - Все это неправильно. Вы меня похитили. Вы держите меня здесь против моей воли. Мой брат вам должен. Я разменная монета.

- Была разменной монетой, - поправляет он. - Пока я не решил иначе.

- И что изменилось?

Он смотрит на меня долго. Потом берет мою руку, прикладывает к своей груди. Сердце бьется ровно, сильно.

- Это неважно. Ты моя, а долги твоя брата его проблемы. И мы не обсуждаем это, ладно?

Я молчу. Потому что мое сердце бьется в унисон с его, и это пугает больше, чем Гвоздь, больше, чем Барятинский, больше, чем все на свете.

За завтраком он спокоен и деловит.

- Сегодня привезут твои вещи, - говорит он, намазывая джем на тост. - Елена все разберет.

- Я сама хочу съездить.

- Нет.

- Почему?

- Потому что я сказал нет. - Он поднимает глаза. - Там могут быть люди Барятинского. Я не рискну.

- А моя подруга? Она мне звонит, я не отвечаю. Она волнуется.

- Скажешь, что уехала.

- Я не могу ей врать.

- Можешь. И будешь.

Я сжимаю вилку так, что пальцы белеют.

- Это не жизнь. Я не могу просто исчезнуть. У меня учеба, экзамены, я должна...

- Ты никому ничего не должна, - перебивает он. – Кроме меня.

- Это шантаж.

- Это реальность, Ася. Ты хочешь выйти отсюда и попасть к Барятинскому? Хочешь, чтобы твой брат сдох в канаве? Хочешь, чтобы твоя подруга оказалась втянутой в это дерьмо?

Я молчу.

- Вот и сиди тихо, - заключает он. – Пока я не разберусь.

- С чем разобраться?

Он откладывает тост. Смотрит на меня.

- С Барятинским. С твоим братом. С ситуацией.

- Вы убьете Лёшу?

Вопрос повисает в воздухе. Он не отвечает сразу. Думает.

- Если он будет умным нет. Если продолжит играть в свои игры, не обещаю.

- Он мой брат.

- Я знаю.

- Он растил меня после смерти родителей.

- Я знаю, Ася. – Голос становится жестче. – Но это не дает ему права подставлять тебя. Не дает права продавать тебя за дозу.

- Он не продавал...

- А что он делал? – Крупинин встает, подходит к окну. - Он взял деньги у Барятинского. Знал, что будет, если не отдаст. Знал, что у Барятинского пуптик на невинных девоч-

ках. И все равно взял, потому что ему нужно было на иглу. Ты понимаешь, что он тебя фактически продал?

Я зажмуриваюсь. Слова режут, как ножом.

- Он не хотел...

- Он не думал. — Крупинин поворачивается ко мне. — Он вообще никогда не думает. И ты за него расплачиваешься. Так было всегда?

Я молчу.

Потому что да.

Всегда.

Сначала мамины сережки пропадали, потом папины часы, потом деньги с карточки, которую он открыл на мое имя, потому что свою уже заблокировали коллекторы. Я закрывала его долги, работая ночами, отказывая себе во всем.

- Я хочу с ним поговорить, - говорю.

- Исключено.

- Стас, пожалуйста.

Он подходит ближе. Садится напротив, берет мои руки в свои.

- Послушай меня. Если ты сейчас выйдешь на связь с братом, Барятинский вычислит тебя через него. Леха слабое звено. Он сдаст тебя за первый же укол. Я не могу этого допустить.

- Вы не можете запереть меня здесь навсегда.

- Могу. И запру, если понадобится.

Я выдергиваю руки. Встаю.

- Это тюрьма.

- Это защита. — Он тоже встает, оказываясь рядом. — Ты не понимаешь, что происходит. Барятинский не просто коллектор. Он психопат. Он убивал людей за меньшее, чем полмиллиона. Твой брат подставил его, и Барятинский хочет крови. Если ты попадешь к нему...

13

- То, что? если я попаду к нему, то что? – вспыхиваю. Мне даже представить страшно.

Господи, во что он меня втянул? Братец любимый.

И Стас спаситель? Или играет со мной?

Выдыхаю, закрывая лицо руками.

Ничего не понимаю, что происходит.

Как мне вырваться из всего этого дерьма? Как?!

- Он будет делать с тобой что захочет. Долго. Медленно. И никто не узнает.

Я сглатываю. Горло перехватывает спазм.

- А с вами я в безопасности?

- Со мной да. – Он смотрит в глаза. – Я не позволю тебя тронуть.

Последние слова повисают в воздухе. Я смотрю на него и вижу он верит в то, что говорит.

Вопрос только в том, должна ли верить я.

Днем я сижу в своей комнате и смотрю в окно.

Привезли мои вещи.

Елена разложила их в шкафу, аккуратно, по цветам, как в магазине. Мои старые джинсы, свитера, книги, тетради. Телефон, но он не работает. Симку вынули.

Я беру в руки блокнот с лекциями по английской литера-

туре. Открываю на середине, там закладка, распечатка стихотворения.

Байрон. «She Walks in Beauty».

She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;

Я читаю строчки и чувствую, как к горлу подступает комок.

Еще неделю назад я сидела на лекции, спорила с одногруппниками о романтизме, пила кофе в университетской столовой, строила планы. Казалось, вся жизнь впереди.

А теперь я в золотой клетке, и ключ у того, кто называет меня своей.

Стук в дверь.

- Войдите.

Заходит Крупинин. В руках пакет.

- Тебе прислали.

Я смотрю на пакет. Обычный, белый, без опознавательных знаков.

- Кто?

Он кладет пакет на кровать. Я не трогаю.

- Открой, - говорит он.

- Сами откройте.

Он усмехается. Разрывает пакет.

Внутри коробка. Темно-синяя, бархатная как для ювелирки. Он открывает ее.

Я смотрю и не верю своим глазам.

На черном шелке лежит кулон. Дракон, обвивающий сердце. Тонкая работа, черненное серебро, в глазах дракона крошечные рубины.

- Это не я, - говорит Крупинин. - Я бы подарил тебе другое.

- Кто тогда? Где вы это взяли?

- У вас в квартире. Вместе с вещами привезли. У тебя есть богатый поклонник?

Он достает из коробки записку. Складывает, читает.

- Асе. Ты теперь часть этой истории. Добро пожаловать в игру.

Я смотрю на кулон. На дракона, сжимающего сердце.

- Барятинский?

- Скорее всего. – Крупинин закрывает коробку.

- Ты здесь. Но он хочет, чтобы ты знала: стены не остановят его, если он решит действовать.

У меня подкашиваются ноги. Я сажусь на кровать.

- Что мне делать?

Крупинин садится рядом. Берет коробку, рассматривает.

- Носить.

- Что?

- Будешь носить этот кулон. – Он смотрит на меня. – Когда он увидит, что ты в нем, поймет, что ты не боишься. Что его подарок просто побрякушка.

- Вы с ума сошли. Это же...

- Это вызов. Я его принимаю.

Он достает кулон из коробки. Подходит сзади, застегивает цепочку у меня на шее. Металл холодный, тяжелый. Дракон ложится на ключицы, рубины вспыхивают в свете.

- Красиво, - говорит он, разглядывая. – Тебе идет. Раздевайся. Хочу тебя прямо сейчас. И встань на колени.

Его голос не терпит возражений.

Я смотрю на него снизу вверх, он стоит надо мной, темный, опасный, с этим дурацким кулоном на моей шее, который только что застегнул сам. Холодный металл касается ключиц, рубины вспыхивают в вечернем свете.

- Ты слышала меня, - говорит он спокойно. – Раздевайся. И встань на колени.

У меня внутри все переворачивается.

Страх? Да. Но не только. Еще смятение, что разливается по венам, когда он так на меня смотрит как на свою вещь, как на то, что имеет право трогать, ломать, использовать.

- Стас...

- Не торгуйся.

Он садится в кресло у окна. Разваливается, как король на троне. Ждет.

Мои пальцы дрожат, когда я тянусь к подолу футболки.

Медленно стягиваю через голову. Остаюсь в лифчике.

- Дальше.

Расстегиваю лифчик.

Грудь оголяется, соски твердеют от холода и его взгляда.

Он с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.